

18+

Дмитрий Тартаковский

Улица Освободителей

Жизнь начинающего
писателя

Дмитрий Тартаковский

Улица Освободителей. Жизнь начинающего писателя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44556914

ISBN 9785005042668

Аннотация

Чем выше взлетаешь – тем больше падать. Особенно справедливо это в отношении начинающего писателя из маленького провинциального городка. Творчество не приносит легких денег – приходится бороться за существование

Содержание

Улица Освободителей	5
Освободителей, 37 «А»/66 «Б»	6
Освободителей, 65/19	11
Освободителей, 12/блок два	20
Освободителей, 1005	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Улица Освободителей Жизнь начинающего писателя

Дмитрий Тартаковский

© Дмитрий Тартаковский, 2019

ISBN 978-5-0050-4266-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улица Освободителей

Пролог

Из Википедии: «Улица Освободителей – сама длинная улица Менделеевска. Протяженность – 9450 метров. На улице расположены проходные крупнейших предприятий города: завод «Ленинская краска» (бывшая «Руссо-Краска»), завод РТИ (Резиново-Технических изделий), завод «Рассвет», завод «ХимТяжМаш». Кроме этого, на улице размещены все важные учреждения города: городской совет, Дворец Культуры, гимназия номер четырнадцать (основанная в царствование Екатерины Великой, архитектурный памятник под охраной ЮНЕСКО), Менделеевский Политехнический Колледж, Менделеевский Педагогически-Индустриальный Колледж.

Улица начинается от шахты номер 1 (основанной в 1720 году по именному указу Петра Первого), и заканчивается у Голубых Озер (дом номер тысяча пять, остановка троллейбуса номер тридцать, автобуса маршрут тридцать пять-один остановка номер пятьдесят). Улица Освободителей внесена в Книгу рекордов Гинесса как одна из самых длинных улиц на Украине...»

Освободителей, 37 «А»/66 «Б»

Мы пили.

Сначала домашнее вино, потом самогон, потом водку. Сая Билецкий принес три «топора» – и вечер перестал быть томным.

К десяти часам группа наша была готова. В прямом и переносном смысле. Наша староста, Даша Евстафьева, громко и слёзно просила не пакостить – но Рома «Ромео» Жиган отличился, и выбросил содержимое желудка прямо на пол туалета.

– Рома, ну ё-моё! – причитал Серега Котляр, не забывая опустошать запасы «топора» – Кто так делает?!

Рома, пьяный и счастливый, продолжал опустошать желудок. Совместными усилиями трезвой части группы (как-никак, Ромео метром и восемьдесят сантиметров высотой, бокс, тяжелая атлетика) безвольное тело подтянули к унитазу. Даша выдохнула с облегчением, а мы вернулись к столу в зале.

Сидели, пили. С пьяных глаз говорили всякое, обсуждали преподавателей, клялись друг другу в вечном братстве. Особенно громко жаловался Мартын – ему, как-никак, чуть не срезали стипендию. Остальные, как люди опытные и бывавшие во всякого рода переделках, давали советы.

– Ты, главное, не дрейфь, – Котляр, человек рабочий,

бывавший и в России, и в Белоруссии, пил и говорил мало, но чётко – Если препод давит, так под дурака работай. Башляй, где надо.

– Я понимаю, понимаю... – икал Мартын – Всё понимаю...

– Вот и делай. Главное у нас что? Физика забодать, да химика. А так степуха в кармане.

– Да, да...

Котляр, поняв, что зерна пали на добрую почву, подлил Мартыну. Тот выпил, и окончательно вырубился.

– Опять его тянуть, – проворчала Настя – Что это такое?

Мы стояли у окна, обнявшись, и все вокруг завидовали. Ну как – слегка, в меру неустроенности своей личной жизни. В целом все были рады, и даже наш Жиган ограничился поздравлениями вместо обычных приставаний.

Было хорошо. Выпили ровно столько, чтобы стало тепло, но не стало плохо. Настя сама прижалась ко мне, сама потребовала тепла, и сама же терлась щекой об мой старый свитер – и это было самым ярким проявлением любви. Говорили мало, больше целовались, и думали о светлом будущем.

– Не бойся, – отвечал я – Сам пойдёт, и дойдёт куда надо. Наша задача – правильно направить его.

– Ох!

– Это не трудно, – я поцеловал Настю в щеку.

– Поверю на слово, – улыбнулась Настя – Только я не хочу уходить.

За окном дома торжественны, величавы – как невесты в день венчания. Обычные в серые дни хрущевки и брежневки теперь преобразились в мутном свете, и город стал похож на древний храм. Только вместо колонн – пирамидальные тополя, вместо стен – длинные пятиэтажки. А в целом получалось очень красиво.

Вечер подходил к концу. Жигана общими усилиями положили в зале на диванчике, а мы принялись расходиться.

Мартын, изрядно готовый, искал шапку, которую держал в руках. Котляр сцепился в неравной схватке со стоящим в углу коридора свернутым ковром. Остальные пытались одеться в меру своих сил.

– Так, я открываю путь, – Настенька, не трезвее остальных, медленно открыла дверь – За мной, мальчики!

Мы с Котляром подхватили Мартына под руки и пошли вперед. Хотя «пошли» – не то слово. Уместнее было «поползли».

На улице было тепло и тихо. Осенний вечер вступил в свои права, и началось то время, когда хочется мечтать о светлом будущем. Но нам было некогда предаваться сладким мечтам – мы несли Мартына. В прямом смысле этого слова.

Путь наш пролегал по жилым кварталам. Под светом окон мир казался плоским, ограниченным, словно здесь, среди хрущевок, заканчивалась наша Вселенная. Но так и было – мы жили здесь, дети маленьких миров.

Дотянув Мартына к автобусной остановке, мы остановились. Котляр, сам не сильно трезвый, громко матерился, а мы с Настей занялись поцелуями.

– Ребята, – Мартын рвался куда-то вдаль, а Котляр его придерживал – Ребята, я вас уважаю... Ребята, честно слово.

– Верим, верим, – бедный Серый удерживал Мартына за шиворот куртки – Главное, не убегай никуда. Тебе же еще домой ехать.

Мартын с загадочным видом уставился на чёрные трубы ХимТяжМаша. Они хранили молчание, как и громада пустых цехов, где давно уже не было рабочих и работы.

Через несколько минут подъехал автобус. Мы погрузили Котляра с Мартыном в салон, помахали рукой, и отправились домой.

По пути Настя вдруг загрустила. Прижавшись как можно ближе к моему плечу, она вдруг спросила:

– А что дальше?

– Доучимся, пойдем работать, – ответил я.

– Слишком скромно, – поморщилась Настя – Я хочу большего.

– Чего?

– Не знаю, но хочу, – призналась моя благоверная – Когда пойму, тогда скажу.

– Великая женская логика! И долго мне ждать?

– Сколько надо, – тут последовала попытка меня ущипнуть за бок – Столько и будешь ждать. Не умничай.

Коротая время таким разговором, мы подошли к Освободителей, 69. Здесь Настя и жила, и – как я наивно надеялся – мы могли бы жить вместе.

– Придешь домой – позвонишь, ясно? И больше никакого пива, – Настя ловко натянула шапку мне на нос – Бегом, бегом.

Я в ответ поцеловал её – прямо так, с шапкой на носу.

– Ой, дурачек, – и тут же упорхнула за металлическую дверь. Я остался сам, снял шапку, и отправился домой.

Вся дорога по родной улице была словно экскурсией в прошлое. Вот родная гимназия, вот родные техникумы (хотя на самом деле один из них колледж, но...), вот проходные мертвых заводов. Когда-то на этой улице кипела жизнь, когда-то толпы студентов и рабочих шли по старой мостовой, помнящей русских царей. Когда-то...

У проходной ХимТяжМаша, как всегда, толпились местные реперы и скейтбордисты. Пили дешевое пойло, громко ругались, кое-кто пытался начитывать под бит из мобильного гнусавый «репчик». Каменный рабочий, держащий в руках колбу, с отвращением взирал на новых жителей родного края. Все стены проходной были исписаны граффити, среди которых особенно крупно выделялась алая исполинская надпись «Рэп-говно, рок рулит».

Уже возле дома я остановился, и что-то непонятное заставило обернуться. Последний троллейбус, звякая всеми стеклами, проехал мимо, а я вспоминал и вспоминал.

Освободителей, 65/19

Занесло нас в частный сектор по важному делу.

Вместо первой пары – физкультуры – мы решили выпить пива. Я взял Котляра, Котляр позвал Бурякова, Буряк прихватил Мартына, составили общий банк, и отправились в ближайшую «разливаху». Взяли пива, к пиву сушеной рыбы, и отправились в поисках удобного места.

Увы и ах, у граждан в голубых погонах начался «план». Встретив за полчаса три наряда, мы поняли простую вещь: спокойно выпить не дадут. Пришлось идти в частный сектор, ориентируясь на трубы «Ленинской краски».

На половине пути мы нашли подходящую лавочку во дворе двухэтажной «сталинки», разлили хмельное, разложили закуску. Но разговор даже под хорошим градусом не клеился, и причиной тому был наш курсовой проект.

Много в студенческой жизни горестей и бед. И тяжелые сессии, и угрозы отчисления, и много чего еще поджидает студия – но вот курсовой поставил нас в тупик. Впрочем, «нас» тут не совсем справедливо: я был стреляным воробьем, уже имевшим определенный опыт, а вот парням было очень туго. Наша дорогая «мегера» – Екатерина Николаевна – уперлась рогами и метлой в курсовые проекты. Не приему, и всё.

По этой причине ребята крепко захандрили. Даже хоро-

шее пиво не спасало ситуацию, и я первым завел разговор.

– Да, Мегера озверела. Проходу не дает.

Мартын лишь мотнул кудрявой головой.

– Не начинай, – уныло попросил Котляр – И так плохо.

– Что этой мымре надо? – спросил Буряк – Пятый раз!!!

Пятый раз переделываю квсё!!!

– Деньги ей нужны. И много, – пробурчал Мартын – А стипендия не скоро.

– Крепимся, ребята, – я допил своё пиво – Заграница нам поможет. Пинками и добрым словом.

Пацаны рассмеялись, а вот мне стало грустно. Как-никак, именно заграница отобрала у меня Женю – мою красивую, любимую, умную Женечку. Впрочем, тут никаких претензий к чужим краям быть не может. В наших условиях каждый устраивается, как может, и Женя не стала исключением. Тем более, что с золотыми руками и не менее золотой головой программистки было бы глупо сидеть в нашем захолустье.

– Надо давать. Много, – ответил я ребятам – Возьмет, никуда не денется.

– Согласен, – Буряков закурил – Соберем банк, внесем... И будет хорошо.

С такими разговорами и пиво пошло бодрее. Закончив с выпивкой, мы потопали на учебу.

Учёба после хмельного не задалась. Макс тут же уснул под бормотание нашего дорогого куратора, который читал очередную лекцию по электротехнике. Я дремал, стараясь

не упасть лицом в учебник, и с трудом понимал слова Ивановича.

Группа писала. Сам формат лекции в душной аудитории, насквозь прожигаемой солнцем, выглядел безумно. Иваныч, с алым лицом, читал очередной параграф, а я думал и думал, и думал о своём, глядя в тетрадь.

Нам МПИТ – он стар, заслужен, и в стенах его дышит история края и мира. В этом здании, которое помнит двух последних русских императоров, сначала размещался Государственный Банк Российской Империи, потом школа, потом фабрично-заводское училище, во время войны – госпиталь, затем филиал института, и вот, техникум. На первом этаже, как и положено, портреты известных преподавателей и выпускников, затем идут награды, но это всё не передает главного – запаха прошлого, живущего в этих стенах.

Когда идешь по коридорам, по которым ходили еще вкладчики Государственного Банка, когда учишься в аудиториях, которые до тебя выпустили в свет сотни более достойных, чем ты, и когда поднимаешься по стертymi каменными ступенями, то ощущаешь – вот она, история, которая жила и живет вечно. И здесь, в этих старых стенах, сложился свой дух, специфический и полуанархический.

После тяжелой и душноватой казармы предыдущего учебного заведения мне было хорошо в МПИТе. Здесь было легче, здесь было более творчески, и не было постоянного стремления к идиотской дисциплине, в которой полу-ар-

мейские порядки смешаны с понятиями гопников. Но даже не это было главное.

Здесь, в этих стенах, я впервые за много лет нашел друзей, и место для приложения своих интересов. Литература заняла всё мое воображение, и я писал, много и упорно. Фантастика, фэнтези, драматургия, победы на конкурсах, поездки в область, и учеба, и снова конкурсы – это навалилось сразу, после четырех лет глупой тишины. И я работал, работал как вол, тянув лямку и учебы, и творчества.

Навалилось и в личной жизни, так, что трудно передать словами. Расставание с Женей, знакомство с Настей, и...

– ...Генератор переменного тока подключается к сети, через трансформатор... – Иваныч положил книгу на стол – Так, на сегодня хватит, а то вы совсем уснёте.

Группа просыпалась. Мартын, подняв голову, толкнул меня под руку:

– Я ничего не пропустил?

– Совсем ничего.

Иваныч повесил на доску несколько схем, и приказал зарисовывать, удалившись в подсобку. Дисциплина тут же развалилась, и вместо зарисовки мы занялись чёрт-знает-чем. Бедный Мартын выскочил из аудитории и помчался умываться, остальные занялись мобильными телефонами и разговорами.

Я начал рисовать на полях тетради. В голову ничего не шло, не лезло, и было почему-то тускло и сыро в душе,

так, если бы сырое тесто катали по ребристой доске. Пиво дурно удружило мне, сделав проблемы более яркими и безнадёжными. Стало ясно, что переезд в отдельную квартиру на одну лишь стипендию мы с Настей не потянем, и необходимо искать дополнительную статью доходов. В нашем родном Менделеевске с работой было не густо; остались шахты и ЦБЗ номер три. На шахте работал отец Макса, колоритный и достойный джентельмен, не просыхающий сутками. По-этому, оставался лишь ЦБЗ, где работал уже мой отец.

Идти в рабство было неохота, но выбора как такового не было. Стипендия плюс зарплата – это съёмная квартира. Стипендия без зарплаты – пиво и оплата интернета. Значит, пора в пролетарии.

Освободителей, 124 (бывшая проходная ХимТяжМа-ша)

Мы гуляли, наслаждаясь последними днями осеннего тепла.

Настя собирала упавшие каштаны. Я допивал купленное пиво, жалея, что потратил деньги на такое дешёвое пойло. В голове крутились диалоги пьесы, дописанной накануне (что-то выскопарное, в подражание Мольеру и Горину, с обязательным выстебыванием молодых и креативных драматургов), а на душе почему-то скребли кошки.

– Настя?!

– Да? – на меня внимательно смотрели голубые глаза, такие же глубокие, как горные озера – Что-то случилось?

– Я иду работать.

– Ого...

– Да, к отцу под крыло. Появятся деньги на квартиру и всё остальное.

– Разве стипендии мало? – удивилась Настя.

– Очень мало.

– А как же учеба, творчество?

– Справлюсь.

– Справимся, – поправила меня Настя и отдала собранные каштаны – Спрячь, у тебя карманы в куртке широкие.

Так мы и шли в тишине, по убитой траве, по распятым делам, по великим трудам. Страшно было даже смотреть на громаду цехов, в которых некогда создавали оборудование для химических заводов алого титана. Трубы и трубопроводы, старая ветка железной дороги, и как издевательство – мозаика на стене последнего цеха. Статуя рабочих, держащих в рука огромную колбу, на фоне громады фабрик и заводов, над их головами пролетает обязательный спутник, и пустота. История закончилась здесь, на вершине самой высокой трубы.

– Работа, учеба и творчество, – Настя вышла на заброшенную ветку – Интересное сочетание будет у нас в семейной жизни.

– Так же, как и у всех, – я обнял Настю и крепко прижал

к себе – Как ты и мечтала.

– Мечты сбываются.

– Ты не рада?

– Охх... – Настя вырвалась из моих объятий – Понимаешь, я мечтала немного о другом. Поездка в Европу, потом нормальная учеба в институте для тебя и меня. Два средних специальных образования – это круто, Дим. Но мало.

– Будут деньги – будет всё, – я взял свою благоверную за руку – Или ты сомневаешься?

– Нет.

С такими разговорами мы и шли вдоль цехов. Было пусто и тихо, ветер даже не думал заявлять о своих осенних правах, а вот между словами нашими была густая недосказанность. Воздух стал горьким, словно дым смолы, и застрял в легких.

Хорошее закончилось. Дойдя до конца ветки, у большого кирпичного строения с надписью «ЖДЦ», мы отправились назад в город. У первого же жилого дома я собрал мужество в кулак и спросил прямо:

– Всё кончено?

– Ты о чем? – вроде бы удивилась Настя.

– О нас, о наших отношениях. Обо всём.

– С чего ты взял, что всё? Я просто... высказала свои пожелания. Понимаешь? Не больше, ни меньше.

– Хорошо, – меня понесло в гибельные дали – Будет и Европа, будут и университеты. Сделаем.

– Я не настаиваю.

– Но я сделаю.

– Оххх... – но её рука вернулась в мою руку, и дым смолы пусть на минуту, но рассеялся.

– Я сделаю всё, как положено. И будет нам хорошо.

– Да, только хватит, – слабо ответила Настя – Я верю, верю. И помогу тебе.

На этой оптимистической ноте мы и подошли к её дому. Поверить в лучшее было трудно, но я старался – не зная, зачем это нужно.

Уже дома я начал всё обдумывать. Сам формат наших отношений, с постоянным стремлением к недостижимому идеалу, с постоянными сомнениями, был новым для меня. Женя никогда и ни в чём не сомневалась, а шла прямо и четко, достигая поставленных целей. Никакой рефлексии, никаких сомнений, никакой истерики, и никаких непонятных идей.

Но в этой четкости и ясности был свой порок, и очень скоро стало ясно, что если Женя для меня – вся жизнь, то я для неё всего лишь эпизод в жизни. Да, наша жизнь была размеренной и спокойной, и каждое утро дарило любовь и спокойствие. Да, любили друг-друга – как только умеют любить одинокие сердца.

Только вот при выборе между мной и карьерой Женя выбрала карьеру. Так и сказала, как всегда спокойно и тихо: «Понимаешь, Дим, там платят в долларах и дают квартиру. Тем более что Питер – это не Менделеевск, там всё по-дру-

гому». И уехала.

Настя же из другого теста. Верная, но мечтательная. Идеалистка, но надежная. Требовательная, но в то же время и уступчивая. Понимающая мои интересы, и поддерживающая кривые литературные опыты. Верящая. Любящая.

Но у каждой любви есть время. И у каждого обожания свои пределы. И кажется, наступил момент, когда любовь начала иссякать. Нет, дело здесь не в требования «поездки в Европу» или чём-то другому – в тоне, которым это было заявлено. Всё отошло на задний план, всё стало пустым и глупым.

И это значит, что любовь умирает, как убитый волк. В оскале белых клыков, в вое, который смешал слова прошлой любви и будущих проклятий, любовь умирает – и проще добить её, чем ждать воскрешения. Добить и забыть, раз и навсегда, словно и не было этого счастья.

Освободителей, 12/блок два

Сессия выдалась тяжелой, и Яна Кувшенко, наша староста, затеяла небольшую вечеринку в честь завершения у себя дома. А поскольку жила она в старой «сталинке» на окраине, то и в просторную квартиру набились вся группа. Как всегда, вино, пиво, водка.

– Только не так, как в прошлый раз, – попросила Яна, включая музыку.

Но всё началось как обычно. Сначала пили, потом спорили, потом разочаровывались и жаловались. Мы с Котляром и Семенистым заперлись на кухне, где под водку мыслили о грядущей жизни.

– Не, работать у нас – плохая идея, – авторитетно заявил Серый – Денег тут нормальных не заработаешь, а только инфактры и инсульты. Или синьку.

– Согласен, – поддакнул Семенистый – Никакого смысла тут работать нет. Надо искать за границей.

– Уже сегодня.

– Да, да...

Я спокойно смотрел в окно. Низкие двухэтажные дома, такое же низкое серое небо. Ничто не меняется в наших па-лестинах, и вряд ли что-то измениться. Остается свет фона-рей – но он вечен, как и наши серые улицы.

– А ты что думаешь, Достоевский? – толкнул меня под

руку Котляр.

– Думаю, вы правы, ребята. Пора валить.

Мы выпили. На душе стало тепло и приятно.

Вечеринка была в самом разгаре, выпито много, и разговоры пошли откровенные. Яна, вся красная от выпитого и от смущения, слушала Ромео, который посвящал её в секреты любовных отношений:

– Ты пацанов не слушай, Янчик. Главное же – фьить! – Рома махнул рукой с бокалом, разбрызгав пиво по ковру – Ой, извини... Так вот, главное для нас, пацанов – это секс. Честно тебе говорю. Ты не слушай там о любви, ты на дела смотри.

Яна смеялась, Ромео улыбался во все зубы, а остальные были заняты чёрт-знает-чем. Попойка удалась на славу.

Домой я шел сам, сгрузив Семенистого на руки его тезке. Нетвердой походкой, вдоль старых домов, и временами смеясь вслед уезжающим троллейбусам.

Родители сделали вид, что ничего не заметили. Я посидел немного за компьютером, отписался Насте, потом отправился спать.

Утром субботы было чертовски дурно. Ни о какой работе речи идти не могло – а ведь сроки конкурса поджимали, и следовало успеть. Пришлось с больной головой, кое-как утолив жажду чаем с аспирином, приниматься за правки и коррекцию.

«Дон Жуан, пьеса в шести действиях» – так называ-

лось очередное пафосное творение. Диалоги, еще раз диалоги, минимум обстановки (в качестве награды – постановка на сцене областного драматического театра, а там с реквизитом проблемы) и максимум морали. Подумав немного, я выбросил часть морали – пьеса хуже не стала, а вот ясности прибавилось.

Работа шла медленно. Литры чая и кофе, самого крепкого, не помогали. Всё выводило куда-то в тяжелые размышления, далекие от творчества.

Литературные опыты – это единственное, что получилось у меня хорошо и сразу. Первые награды, головокружение от успехов, и осознание того, что я не единственный в своём роде. Наша область и так была богата литературными талантами, но первое место... это было что-то потрясающее. Трудно описать всю бурю эмоций, которую я ощущал в тот момент – и все последующие разочарования долго описывать.

И вот, очередная пьеса, но серьезный бонус: её могут поставить на сцене. Нашего драматического театра. Какими бы скромными не были возможности области, но пьесу увидят сотни (а может быть, и тысячи) зрителей. Стоит постараться.

«Писателя делают тиражи!» – когда-то сказал папа. И это было правдой, но лишь отчасти. Писателя делает не только тираж, но и его настроение, его путь. Ремарк никогда бы не был Ремарком, если бы гнался за чистым тиражом – он бы голосом своего поколения, фронтовиков, которые не нашли себя в мирной жизни. Буковские не стал бы Буковским, ес-

ли бы не его жизнь, переломанная во многих местах и описанная в правдивых книгах.

Здесь же, в своих рассказах и пьесах, я пошёл по самому легкому пути, типичному для молодых. Фантастика, фэнтези, и вот, наконец-то переключился на драматургию – что оказалось в разы труднее, чем писать очередное «смешное» чтиво. Да, это труд, тяжелый труд, с выписыванием характеров и диалогов, с правилами драматургии, с подробным описанием обстановки на сцене. Но зато этот труд – воистину проклятый – и принес мне в разы больше, чем до этого. И, внезапно, деньги.

Просидев еще час за ноутбуком, я отчаянно плюнул и снёс начало пьесы. Открыв новый документ, напечатал заглавным шрифтом: «Тени на стенах».

– Идешь по стопам отца? – спросила вошедшая в комнату мама.

– А?

– Ты вчера каким домой пришел? – продолжила мама – Еле на ногах стоял.

– Да, немного перебрал.

– В какой раз?

– Ну...

– Мало мне одного алкоголика, еще и второй подрастает, – вздохнула мать – И что мне на старости лет делать?

– Перечитать Ницше.

– Ты еще хамить будешь?! – взвилась мать – Сходил бы

в магазин!

– За пивом?

– Я тебе дам пиво! – мать замахнулась тряпкой, но я успел увернуться – Деньги на столе, надо купить хлеба и ветчины. Делать нечего. Я сохранил пьесу, выключил ноут и отправился в магазин.

Однако, спокойных покупки не получилось. В дверях магазина я столкнулся с Семенистым, который нес две бутылки пива.

– И где ты взялся на мою больную голову... – вместо приветствия сказал я – Только не говори, что кто-то не пришел, и одна бутылка лишняя.

Серый только улыбнулся. В этой улыбке, детской и наивной, крылась бездна коварства. Да и пиво в руках было «Жигулевское» – не чета обычной нашей бормотухе. Да и слаба похмельная душа, ох и слаба...

– Пошли, – мы свернули в ближайший двор, где устроились на ближайшей лавочке.

После первых глотков пенного ко мне вернулась логика и легкие крылышки вдохновения нежным дуновением прогнали серые мысли. Серый внимательно наблюдал за моими действиями.

– Как же хорошо жить, – выдохнул я – Просто чудесно.

– Согласен.

– Так куда ты брел?

– По делам ходил.

– В моём квартале?

– Конечно.

– Ой, врешь, Серёжа.

Улыбка Будды была мне ответом. Я допивал «Балтику», а Серый только начал. Было тихо, природа и город в сером покое. На крылечке подъезда, в лучах осеннего солнышка, спал рыжий кот.

В этом дворе – а когда-то он был для меня родным – всё осталось по-прежнему. И тополя, сбрасывающие листья, а за ними разломанная детская площадка с большой песочницей, и те же евроокна, одинаково-убогие в своем белом цвету.

Давным-давно, когда деревья были большими, в этом дворе жила дружная компания. Весёлые девченки и классные мальчишки, множество игр, ссоры, драки, примирения, – всё как у всех в те времена. Но время безжалостная стихия, и разметала дружный коллектив по миру.

Детство – глупая эпоха; время тех, кто в стороне. Но детства в жизни мало, и никто не может его задержать. Как слетает с осенью листья с деревьев, так и старые мечты улетают с холодным ветром, и нет смысла их ловить...

– Я вчера перебрал, – впервые за долгое время заговорил Серый – Надо завязывать.

– Зелёного змия в узел?

– Наверное. Мать дома ругала. Сильно.

– Бывает.

– Пришлось успокаивать нервы.

– И очень недурно получилось, да? – я выбросил пустую бутылку в мусорный бак.

– Ага.

И снова тишина. Приятная, ненавязчивая тишина. В такие моменты приятно размышлять о вечном, обращаясь в немой молитве к высшим силам. Мы все, грешные и обреченные своим трудом искать хлеб насущный, теперь тратим свои силы на то, чтобы выживать. Перед нами не стоят великие амбиции, великие идеи и достижения – прожить бы спокойно и тихо.

Детские мечты остаются здесь, в этих дворах. Не будет ни звездных врат, ни космических кораблей, ничего – только эти серые хрущевки, серые дворы, серая жизнь. Нам ни дали, ни дали взять никакой позитивной базы для созидания, и осталась лишь пустота, убогая, вечная, заливаемая дешевым алкоголем, спутником нашей юности

– Пора домой, – заметил Серый – Иначе будет беда.

– Согласен. Но беда всё равно случиться.

Так и вышло. Не успел я переступить через порог, как мама завела старую песню:

– Опять набрался?

– Я не набрался, я слегка выпил. Благородно и в компании с другом.

– Нет, набрался. Именно набрался, напился, как последняя свинья!

Из спальни выглянул отец – в своей старой тельняшке, с очками на носу – и снова спрятался. У нас пошло именно так: я отдуваюсь, папа отдыхает. Раньше было с точностью наоборот – папа отдувался, я отдыхал. Времена меняются, эстафета передается от отца к сыну, и я, не тратя времени на споры, скрылся в своей комнате.

Однако, там меня ждал новый удар. ВКонтакте писала Настя, писала много, и в своей обычной истеричной манере. Причина одна, вечная: ссора с родителями. Снова. В очередной раз. И теперь от меня требовали утешения – такого, которого я не мог дать. Не мог и даже не собирался.

Дав стандартный ответ «Всё будет хорошо, солнышко», я вернулся к своим делам. Но работа над пьесой не ладилась, в голову лезли сплошные глупости. Диалоги, выводимые с таким трудом, рушились, повороты сюжета выводили в шизофренические сплетения, а главная идея потерялась в потоке грязи второстепенных моралей.

Промучавшись пару часиков, я получил сообщение от Насти:

«Тебе плевать.»

Я прочитал. Ответить было нечего, да и не зачем. Плевать мне было не только на её проблемы – свои точно так же забросил. Стипендия была в кармане, хвосты обрезаны, не хотелось совершать лишних телодвижений.

Эта апатия, серость, проникающая в душу, вызывала лишь отвращение. Но победить её, пережечь, передавить бы-

ло выше моих сил, выше понимания, выше всего. Серость вливалась в душу, давила, текла по венам вместе с кровью, подавляя любую жажду жизни и борьбы. Серость выжигала всё, включая любовь к Насте, оставляя место только для самой дешёвой и низменной похоти и мрачных скандалов.

Освободителей, 1005

Нужда и похмелье первых дней каникул пригнали нас на самую далекую из всех наших рабочих окраин. Там, в дешёвом супермаркете славной семьи «Абсолют», мы затарились дешёвой выпивкой. Нагрузившись как следует и расплатившись, мы вышли из магазина и отправились в путь.

Здесь, на этой окраине, где бараки сталинской эпохи жалелись к последнему построенному в городе кварталу, мы выбрались на «железку». Время было позднее, и последняя электричка только что прогрохотала в сторону Донецкого края.

Долгое время шли молча. Потом Котляр, отхлебнув водки-клюквы, начал разговор.

– А куда мы, собственно, идем?

Мы с Серым дико посмотрели на него – каждый со своей стороны, так что наш работяга ощутил себя очень неловко. Отхлебнув пойла, он перевел стрелки.

– Тяжелая получилась сессия.

Но ему никто не ответил. Я был погружен в свои мысли, Семенистый в свои. Разговор не клеился, и я посмотрел направо – туда, где светились огоньки старых дачных поселочков.

Гой ты Русь моя родная, многострадальная... Впору здесь, в этом заброшенном и забытом крае, вешать плакаты «Здесь

живут люди». Именно здесь, среди бараков, в которые пятьдесят лет тому назад въезжали комсомольцы-энтузиасты, отстраивающие Менделеевск. Именно тут, где остались нетронутыми старые цеха «Ленинской краски», а на их фоне – уютные дачи-сарайчики. Вот всё наше богатство, и наша обитель.

С высоты насыпи, по правую и левую сторону, сколько хватало взгляда, тянулись остатки остатков величия. Там, где небо встречается с землей, виднелись разрушенные остовы цехов и одинокая труба, оставшаяся от первого цеха «Краски», поставленного здесь в конце девятнадцатого века.

Рядом с насыпью шла асфальтовая дорога – ох, простите, улица Освободителей, наша родная – и только одинокий заброшенный ларек желтого цвета напоминал о том, что здесь когда-то шла торговля и кипела жизнь. Местный дачный кооператив «Заря» влачил жалкое существование – старики вымирали, молодёжь не желала ковыряться в земле и продавала либо просто оставляла дачи. Несколько километров пустых домов способны кого-угодно напугать до смерти; особенно если видишь силуэты в чёрных окнах.

– Хлопцы, а куда мы идем? – снова подал голос Котляр – Вы уверены, что нам сюда.

– Уверены.

Впереди показалось фантастическое видение: посреди хвойного леса, в последних тоскливых лучах зимнего солнца, показалась типичная пятиэтажка. Чем ближе мы прибли-

жались к этому дому-загадке, тем яснее становилась его особая позиция. Словно избушка Бабы-Яги, одинокая хрущевка вытянулась вдоль железнодорожной ветки, лицо словно в центр города, а двором, соответственно, к лесу.

– И как тут Натаха только живет? – удивился Котляр, человек сельский и степной.

– Молча.

Мы шли по колее, и Котляр, не отрываясь, смотрел на дом, который длинный и изломанным суставом протянулся вдоль дороги. Над крышей коллоса Корбюзье виднелись трубы местной котельной, из них, неторопливо, вился дымок.

– Это первый и последний дом Горного Микрорайона, – сказал я Котляру – Который начали строить в далеком восьмьдесят восьмом году. Как видишь, подошли к вопросу хорошо – поставили полустаночек, построили котельную, вокруг хвойный лес. Квартиры, кстати, хорошие, утепленные. Но надолго советской власти не хватило...

Зато шахтеры, успевшие занять квартиры в единственном доме призрачного микрорайона, оказались в плюсе. Тогда как Менделеевск оставался без воды, тепла и света, горняки оказались при всё своем. Котельная давала тепло, водоканал – напор в трубах, а линия электропередачи, от которой запитан дом, принадлежит «Рассвету» – который, ни много, ни мало, предприятие ВПК.

Стоит ли и говорить о том, что квартиры в этом доме моментально стали дорогими, хотя география к этому не рас-

пологала. Однако шахтеры крепко держались за своё жильё, и редко кому удавалось прикупить квартиру в уникальном строении. Отец Наташи получил жилплощадь самым первым, как ударник СоцТруда, и самым последним рассчитался с шахты, уже после того, как приватизировал жильё. Семья Наташи жила на то, что получала за счёт сдачи второй квартиры в городе, и на то, что получал отец на заработках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.